ПАМЯТИ ВОЛОДИ ТАТАРОВИЧА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания о скульптурном братстве Александро-Невской Лавры были впервые изданы в 2001 г. в виде отдельной книжечки. В 2002 г. опубликованы в журнале «Крещатик».

- Лев Разумовский
  - ○
- notes
  - ○ 1

Лев Разумовский
Памяти Володи Татаровича

С Володей Татаровичем я впервые встретился в Ленинградском Дворце пионеров в 1938 году.

Мы ходили в кружок лепки в младшую группу к Валентине Николаевне Китайгородской. Эта невысокая энергичная и добрая женщина с внимательным прищуром зеленоватых глаз и с неизменным румянцем на широких монгольских скулах была душой и сердцем класса лепки художественного отдела, который в ту пору возглавлял Соломон Давидович Левин.

Кроме нашей младшей группы, нескольких мальчишек и девчонок десяти-двенадцати лет, существовала еще старшая группа, где занимались старшеклассники, взрослые ребята, пользовавшиеся нашим уважением: Гоша Ложкин, Гриша Ястребенецкий, Леша Далиненко, Володя Татарович и Ия Венкова. Уважали мы их по двум причинам: во-первых, они лепили более сложные вещи, и лепили, с нашей точки зрения, как настоящие скульпторы, а во-вторых, срабатывала школьная традиция субординации силы — эти ребята были старше, крепче нас и могли запросто накостылять по шее.

Особо опасным с этой точки зрения считался Володя Татарович. Он был задирист и, по слухам, быстро пускал руки в ход. Был он худощав, черноволос, глубоко посаженные серые глаза смотрели смело и вызывающе. Его авторитет среди мальчишек подкреплялся еще тем, что он хорошо бегал на коньках и занимался конным спортом.

Показывая нам его небольшую пластилиновую фигурку конькобежца, Валентина Николаевна говорила: «Способный парень Володя… Очень способный… Но вряд ли выйдет толк, уж очень много разбрасывается — то коньки, то кони, то кони, то коньки…», — и со вздохом, бережно ставила фигурку обратно на полку.

В июне сорок первого года по непредвиденным обстоятельствам наша учеба во Дворце пионеров прервалась и закончилась навсегда. Годы войны принесли такие огромные потрясения, перемешали в калейдоскопе событий столько глубинных, навсегда оставшихся в памяти впечатлений, что учеба в классе лепки Дворца с ее людьми, светлым классом и нашим озорством на уроках отошла далеко-далеко и казалась детским светлым сном.

О Татаровиче я услышал снова в 1947-м году, будучи уже студентом скульптурного факультета Художественно-промышленного училища, бывшего училища прикладных искусств барона Штиглица. Прогнозы Валентины Николаевны не сбылись. Володя после фронта и ранения учился на скульптурном факультете института имени Репина и, по слухам, учился хорошо. Толк из него все-таки вышел.

За годы учебы мы встретились с ним раза два, вспомнили Дворец парой незначительных фраз и разошлись каждый по своим делам.

После окончания училища перед моими друзьями и мной встал вопрос номер один — мастерская. Мастерских не было, их не строили, каждый находил себе помещение сам, кто где мог.

В 1955 году мы узнали, что в здании часовни на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры работают на верхнем этаже молодые скульпторы: Татарович, Далиненко, Ястребенецкий и Плискин, а в первом этаже часовни имеется пустующее помещение размером в 35 метров. Мы ринулись туда.

Посреди старого кладбища, между крестов и надмогильных склепов, стояла большая облупившаяся часовня с кривым ломаным куполом, толстыми стенами и узкими полуциркульными окнами. Массивная каменная полуразвалившаяся лестница вела на второй этаж, а внизу, за широкими деревянными дверями — три ступеньки вниз — находилась мастерская мраморных работ и наша будущая мастерская — мрачный подвал со сводчатыми заплесневевшими потолками и одним полуциркульным небольшим окном, упиравшимся прямо в заднюю сторону высокого надгробия. Подвал был завален, загажен и захламлен, а посередине, занимая чуть ли не треть пола, стояли какие-то ржавые железные конструкции неизвестного назначения.

Соседи-мраморщики, Ренальд Робачевский и Володя Исаев, охотно пояснили нам, что это трансформаторы для сжигания трупов — здесь проектировали после блокады оборудовать небольшой крематорий… Вот железки эти привезли, а строительство крематория отложили на неопределенный срок. За это время все заржавело, пришло в негодность и теперь валяется здесь бесхозное…

Мы почувствовали, в какое веселенькое местечко нас занесла судьба, — и взялись за крематорские железяки. Однако после первых же попыток убедились, что это напрасный труд. Нам было не сдвинуть их ни на сантиметр, как мы ни потели и как дружно ни орали «раз-два-взяли!»

В этот момент в дверях силуэтом возникла худощавая фигура

Татаровича. Он с минуту постоял, молча и с интересом приглядываясь к нашим бесплодным усилиям, а потом спокойно спросил:

— А что это вы тут, ребята, делаете?

Мы объяснили.

Он вошел, потрогал пальцем железо и сказал:

— Подождите немножечко, я сейчас.

Через пару минут вернулся с большими деревянными лагами в обеих руках. С ним пришли его друзья Леша, Гриша и Арон. Вот тут-то «опасный Татарович» и проявил себя так, как в дальнейшем всегда неизменно проявлял себя во всех случаях моих встреч с ним — щедрая и богатая натура его широко и бескорыстно одаривала помощью, моментальной и безграничной, каждого, кто в ней нуждался.

Неторопливо, но очень деловито он расставил всех по местам, свистнул мраморщиков, сбегал еще раз наверх, принес ломы и встал сам с лагой посередине. По его негромкой, но властной команде мы разом навалились и… железки пошли.

Не прошло и получаса, как машины для сжигания трупов выползли в коридор, поднялись по ступенькам и оказались на кладбище.

— Ну, вот и все, — сказал Володя. — Пошли к нам наверх, надо обмыть ваше вступление в наш храм.

С тех пор и пошло.

Он никогда не был назойливым и не навязывал свое общество. Напротив, его общества и расположения искали, и не каждому он дарил его, но он всегда неизменно появлялся в особо трудных ситуациях и протягивал руку.

Мы привозим глину — он уже тут: руководит разгрузкой и сам работает за двоих.

Стелем полы, таскаем станки, устанавливаем тяжелые вещи — он моментально становится на подхвате и тут же оказывается лидером, так как никто лучше него не понимает сути работы.

Володя был душой и центром Лавры. Писать о Володе — это писать о людях, событиях и быте Лавры.

Лавра…

Это была не просто мастерская, в которой мы провели почти десять лет.

Лавра была незабываемым этапом в жизни каждого, кто в ней жил и работал.

Лавра имела свою историю, свои истории, свои традиции, свои праздники и трагедии.

Лавра имела свой дух, свой микроклимат, свой коллектив,

состоящий из ярких индивидуальностей и характеров.

В нашей мастерской без дневного света, без воды (воду мы носили ведрами из кочегарки через мастерскую мраморщиков), с круглой печкой, которую топили углем, дружно трудились мы четверо: Юлик Клюге, Вася Гущин, Эля Сылова и я.

Наше единственное окошко пришлось намертво забить досками, так как к нам постоянно залезала всякая шпана. Но еще больше шпаны мы боялись старушек-богомолок, сотнями бродивших по кладбищу после служб в действующем Троицком соборе.

«Если заглянут как-нибудь в окно старушки и увидят у нас в алтаре голую натурщицу, — сказал Юлик, — снесут часовню вместе с нами, а нас передадут по конвейеру куда-нибудь…»

Перспектива старушечьего конвейера нам не нравилась. Натурщицы действительно часто нас посещали, удивляя экзотическими именами: Лера, Лора, Жанна, Нонна и Рэмма.

Кроме богомолок и натурщиц кладбище посещало довольно много людей, навещавших могилы давно умерших родственников или известных горожан. Особой популярностью посетителей пользовалась могила знаменитой в свое время исполнительницы старинных русских и цыганских романсов Анастасии Вяльцевой.

Нашими соседями за стеной были мраморщики: Ренальд Робачевский, Володя Исаев, Коля Болотский и Толик Иванов. В дальнейшем к ним присоединились Гена Бураков, Валя Лаптев и подсобник Виктор Егоров — огромный, бородатый, устрашающего вида мужик, молчаливый, замкнутый и со странностями. Например, он коллекционировал ключи. Его коллекция состояла из нескольких сотен разнообразных ключей, тесно, один к одному нанизанных на два полуметровых проволочных кольца. Я подарил ему несколько старых ключей из дома. Он был очень доволен.

Это был человек фантастической судьбы, о нем ходили легенды. Военное детство он беспризорничал где-то в Ленинградской области. Вместе с другими ребятами собирал везде винтовки, гранаты, пистолеты. Ремонтировал, чистил, смазывал, пробовал — патронов было навалом. Местные жители пожаловались в милицию. Ребята ходят с оружием, постреливают. Милиция устроила облаву. Витька отстреливался до последнего патрона. Потом был взят и направлен в колонию для несовершеннолетних преступников, откуда через полгода бежал. Скитался, бродяжничал, воровал. Когда его застукали второй раз, он бешено отбивался и откусил милиционеру палец. На этот раз он просидел положенный срок, где-то скитался, работал разнорабочим, потом судьба закинула его к нам.

Мраморщики взяли его подсобником и ценили за добросовестность, безотказность, огромную физическую силу и за… идеи.

Рядом с часовней находился старый монастырский пруд, весь заросший ряской, грязный и вонючий. Был он неширок, но длинен — перерезал все кладбище, и мраморщикам приходилось каждый день обходить его, чтобы попасть в подсобный сарай на другом берегу.

Не знаю, кому пришла в голову шуточная идея: вот если бы мост! Но Виктор воспринял это всерьез и, никому ничего не говоря, на другой же день принялся возводить мост через пруд — мы его обнаружили по пояс в черной воде, вколачивающим деревянные сваи в илистое дно. Никакие шутки, остроты, увещевания он не принимал, а продолжал молча, упорно, одержимо свое дело, стоя сначала по пояс, а потом по горло в воде.

В это время как раз рядом с нами заканчивалось строительство моста Александра Невского, и мы поспорили, чей мост будет построен первым. Витька наши споры слышал, завелся и поднажал. Говорят, он работал даже по ночам, но вышел победителем — Витькин деревянный мост с одной перилиной вступил в строй и эксплуатацию первым. Мы торжественно протопали пятнадцать шагов на другой берег и поздравили Витьку с трудовой победой.

Свою победу над Ленмостостроем он отпраздновал по-своему: напился до бесчувствия и заночевал на могильной плите, где и был обнаружен на другой день утром. Плиту покрывал иней, так как дело было в ноябре. Когда его разбудили, он сел, протер глаза и молча пошел рубить гранит.

В другой раз он проявил себя как личность по-иному. Вместе с другим гранитчиком Осипом он купил мотоцикл на двоих. Научились водить. Получили права. После этого Осип стал ежедневно гонять на мотоцикле, а Виктор терпеливо ждал своей очереди. Каждый раз у Осипа оказывались уважительные причины или абсолютная необходимость подержать мотоцикл еще два-три-четыре дня.

Виктор ждал.

Прошло два месяца. Виктор потребовал мотоцикл. Пригрозил. Угроза подействовала, связываться с ним было опасно. Осип привез мотоцикл, который Витька тут же разрубил топором на две части, коротко объяснив обалдевшему Осипу: «Пополам — так пополам».

Кончил он трагически. В пьяной драке убил какого-то уголовника, своего бывшего сосидельника, и в 1978 году был

расстрелян.

Скульптор Леша Далиненко, Володин друг, отличался богатырским здоровьем, буйным бесшабашным нравом и какой-то удивительной бездумной решительностью и поспешностью в поступках. Зимой идешь в мастерскую, ежишься от холода, подняв воротник, а в тебя летят снежки. На лестнице стоит развеселый Лешка в одной ковбойке, ворот распахнут на могучей голой груди, и лупит тебя снежками. Или убегай, или берись за снежок, а этого-то ему и надо, он обожал веселую возню, борьбу, а напившись, быстро пускал в ход свои здоровенные кулаки.

В работе Лешу преследовал какой-то рок. Когда он начинал лепить портрет какого-нибудь политического деятеля, тот волею судеб переставал быть политическим деятелем. Портрет вместе с гонораром летел в бочку с глиной. Так было с портретом Берии, потом с Ворошиловым. Когда Леша с Володей начали портрет Хрущева, ребята шутили, предупреждали: не делайте, что-нибудь да будет! И ведь как в воду глядели — «что-нибудь» произошло…

Рассказывали, что их первая встреча с Володей во Дворце пионеров закончилась дракой. Поспорили, чья стека[1]. Оба горячие, задиристые, упрямые. Подрались, помирились и подружились на всю жизнь.

Лешина жизнь оказалась короткой.

Ведущая черта его характера — принимать неожиданное решение и немедленно приводить его в исполнение — и сгубила его в недобрый час. А проявлялась она в мелочах, в мальчишестве, на которое никто не обращал внимания. «Лешка чудит» — это было нормой. Так, например, однажды летом, сидя в компании на берегу пруда около мастерской, он предложил искупаться. Все решили, что это шутка — кто же полезет в такой вонючий, весь в ряске, пруд, заваленный старыми сгнившими крестами и обломками памятников, — но Лешка нахмурился, встал, быстро сбросил с себя одежду и через секунду уже плавал в коричневой жиже, разгребая палки и тину, к изумлению и потехе всей честной компании.

В другой раз, находясь в мастерской во время работы, он услышал по радио передачу, посвященную борьбе за освобождение Хосе Марти. Не успела закончиться передача, как он стремглав скатился с лесов (тогда их бригада делала памятник Бредову для Мурманска) и куда-то убежал. Через полчаса вернулся с конвертом и сразу сел писать письмо в ЦК в защиту Хосе Марти. Написал и опять бегом к ящику.

Так вот, наверное, он и покончил с собой в худую минуту — принял решение и тут же выполнил. Молодой, здоровый,

цветущий, талантливый, порывистый — вот так, рывком, и ушел он из нашей жизни…

Скульптор Гаврила Гликман под впечатлением его смерти создал неожиданную и эмоциональную композицию — то ли проект надгробия, то ли просто дань памяти Леши: тоненькая, очень юная девушка стоит на высоком постаменте на одной ноге, другая повисла в воздухе.

Юность, шагнувшая в пропасть…

Жизнь как зебра — полоска черная, полоска белая…

Но в основном Лавра вспоминается светло. Может быть, потому, что мы были молоды и трудностей не замечали, а хорошее, доброе, живое и веселое прилипало и оставалось.

Гриша Ястребенецкий был самым респектабельным, рассудительным и представительным членом «верхней четверки». Он всегда занимался общественной работой, ездил за границу, имел собственную машину и увлекался любительской киносъемкой: создавал детективный фильм «Таинственный убийца Никольского кладбища». Из фильма запомнился один жуткий кадр: грустный прохожий со скучающим видом идет по аллее мимо крестов и надгробий. Вдруг из усыпальницы графини Крейц вылетают две руки в черных перчатках, хватают прохожего за горло и втаскивают в склеп… Грустного прохожего играл Леша, Черные Руки — Володя.

Арон Плискин был человек настолько же добродушный, насколько добросовестный. Его добродушие, спокойствие и незлобивость были известны. Кульминацией его добросовестности оказался эпизод с крестиками. Когда ребята трудились над каркасом памятника Бредову, Арону поручили привязывать кресты к арматуре. Арон изготовил колоссальное количество крестиков, навязал их везде, где можно, и вдобавок, от щедрости душевной, ко всеобщему изумлению прибил еще несколько к рабочему щиту, подняв их на проволоках, как цветочки. Когда его спросили, давясь от смеха: «А это зачем?» — Он немного подумал, а потом невозмутимо сказал: «Да, вы таки правы, пожалуй, можно было обойтись и без них…»

Лавра много пила.

Пили на все советские и престольные (благо действующий собор был рядом) праздники, и звон колоколов периодически призывал нас отметить Троицу, Пасху или Рождество.

Шумно справляли все дни рождений каждого члена Лавры, дни рождений жен и детей.

Пили по случаю сдачи очередной работы, по случаю получки и аванса, в случае появления гостей — а гости всегда шли

косяком.

Пробки из-под водки никогда не выбрасывались, а собирались в ящик из-под пива. Коллекция быстро росла, и скоро ящик наполнился с верхом. Елка, поставленная мраморщиками, была украшена длинными золочеными гирляндами из водочных пробок.

Обычно все сборища происходили наверху, в маленькой полуциркульной комнатке, бывшем алтаре, за большим столом рядом с тахтой.

Неизменным тамадой и радушным хозяином был всегда Володя. Гостеприимство было его ведущей чертой. Сколько бы ни было водки или еды, всех без исключения принимали, всех сажали за стол, все делили поровну на всех. Он всегда сам готовил к столу, ловко и быстро резал хлеб, сыр, колбасу, расставлял стаканы, тарелки, раскупоривал бутылки, все мелькало в его руках.

Все делалось не только быстро, но и красиво, артистично. Не помню, кто сказал про Володю: «Он не умеет ничего делать некрасиво — ни лепить, ни жить».

Он и сам был внешне красив какой-то породистостью, мужской статью, ловкостью и силой. Всегда подтянутый, щеголевато одетый, аккуратно выбритый, с холеными темными усиками.

— Удивляюсь я Володьке, — как-то сказал Вася Гущин. — Как это он умудряется всегда быть в форме?

Мы не знали того, что эта форма давалась ему нелегко. Осколок, сидевший с войны рядом с позвоночником, часто напоминал о себе сильными болями. Он никогда не рассказывал этого.

Наши сборища с водкой были не просто пьянками — веселое похмелье рождало идеи. Гриша выдавал шуточные стихи, мы рисовали на обоях карикатуры на всех обитателей Лавры. После третьей рюмки они обычно имели шумный успех, только мраморщики однажды бурно запротестовали, когда появилась карикатура — дощатый забор, выкрики оттуда «Пики козыри! Ставлю по новой!» и вылетевший из-за забора бубновый туз.

Одна из сводчатых ниш мастерской была отгорожена массивной деревянной дверью, повешенной на огромных кованых черных петлях, оторванных от какого-то дореволюционного амбара. Закрывались эти поистине крепостные ворота на две толстые чугунные петли, сквозь которые была пропущена могучая танковая цепь, и висел громадный старинный замок. Вся эта производившая угнетающее впечатление мощь скрывала за собой вешалку с грязными халатами для формовки. Рядом стоял

большой шкаф-комод с неисчислимым количеством ящичков, в которых хранились инструменты. Володя называл этот комод «трагедией», так как никогда нельзя было сразу найти то, что нужно. Основной инструмент для лепки помещался в большой мастерской в двух вьетнамских корзинах, подвешенных к потолку.

Большую мастерскую от лестницы отделял маленький захламленный закуток, где ребята установили керамическую печь, в которой пытались наладить обжиг керамики. Печь просуществовала недолго — один Ренальд успел обжечь терракотовый портрет, после чего явилась пожарная инспекция, оборвала все провода и наложила пломбы на электрощит.

В связи с этой неудачей верхние ребята вспомнили и рассказали историю, случившуюся несколько лет тому назад, когда они заканчивали Академию Художеств и делали свои дипломные работы.

Кафедра скульптуры распределила между выпускниками темы работ. Володе достался портрет Сталина в полный рост.

Работа подходила к концу, когда ребята самовольно поставили в мастерской Володи небольшую керамическую печь для обжига мелких работ. Эту печку очень скоро обнаружил пожарный инспектор, пожилой отставник, поднял шум, приказал незаконную печь убрать, рубильник отключить, провода снять.

Ребята пригласили его к столу. На беду он оказался непьющим. Предложили деньги — он четко огласил статью уголовного кодекса о взятке. Сказал, что через неделю придет и проверит обстановку.

«Покричит и забудет», — решили ребята и вернулись к работе над дипломами.

В Академии Художеств существовала своя методика работы над одетой фигурой. Сначала лепилась обнаженная натура в задуманной позе. Потом натурщика одевали в необходимую одежду, устанавливали определенный ритм складок и соответственно «одевали» глиняную обнаженную модель.

Володя закончил первый этап работы и приступил к одеванию.

В этот самый момент снова появился пожарный инспектор, уже с порога поднявший шум и крик. Он решительно шагнул в мастерскую и… остолбенел. Перед ним предстала картина: на станке стояла отлично вылепленная фигура голого Сталина в фуражке генералиссимуса, а рядом на подиуме стоял второй, живой, Сталин в шинели, сапогах и фуражке, с трубкой в правой руке. Между ними спокойно стоял Володя и с искренним

интересом глядел на инспектора. Постояв с минуту с открытым ртом по стойке «смирно», инспектор круто повернулся и растаял в дверях.

Больше его никто никогда не видел.

Во время одного из сборищ возникла идея — учредить для участников Лавры свой особый значок. Идея всем понравилась. Был объявлен конкурс на лучший проект. Через неделю все принесли свои проекты, и после долгого и придирчивого профессионального обсуждения был выбран лучший. Авторами-победителями оказались Леша Далиненко и Наташа Тыркова, которая в это время работала у нас в мастерской — лепила полутораметровую фигуру рыси. На проекте был изображен наш кладбищенский белый кот Леонардо в узком луче света, исходящем из стрельчатого окна. Проект был оригинальным и всем понравился.

Знакомые ребята на «Ленэмальере» выполнили наш заказ, и через месяц каждый член Лавры получил по два значка: один себе, другой для подарка тому, кто может быть признан «другом Лавры». Таким образом, у значка появился свой статус.

Пятерых участников той веселой попойки уже нет в живых. Мы похоронили их со значками на лацканах пиджаков. Но жизнь причудливо переплетает грустное с веселым, а большое с малым — так и история со значком имела свое продолжение.

Через год мальчишки убили нашего Леонардо, и мы закопали его с почетом недалеко от мастерской. А затем, через некоторое время, к изумлению завсегдатаев кладбища, знавших каждый камушек и кустик, в ряду надгробий купцов первой гильдии появился загадочный памятник: небольшая мраморная плита с изображением значка. Белый кот уверенно шагал в узком луче света из стрельчатого окна… Старушки долго стояли около памятника, ища надпись, потом крестились на всякий случай и уходили в недоумении.

С котом Леонардо была связана еще одна история, к которой Володя непосредственного отношения не имел, но узнав о ней, хохотал до упаду.

У кота, собственно, было два имени: официальное, полное — Леонардо, в честь великого флорентийца, и домашнее, обиходное — Васька. Васька вел себя часто неприлично, и однажды я повесил на дверях нашей мастерской записку: «Ваську не пускать! Дает в глину!»

В этот день мы должны были сдавать худсовету фонтан, заработались и забыли о записке. Фонтан представлял собой хоровод голых мальчишек, взявшихся за руки и бегущих вокруг

воображаемых струй.

К вечеру приехал художественный совет.

Первым в мастерскую вошел председатель совета Василий Гаврилович Стамов и грозным голосом спросил:

— А что это у вас там написано: Ваську не пускать — дает в глину?

Мы обмерли. Погорел наш фонтан! Теперь не примет ни за что! Но на наши объяснения Стамов первый расхохотался, и весь совет вместе с ним.

Фонтан был принят, и мы на радостях, решив, что Стамов — человек, взялись за руки, образовав живой фонтан вокруг глиняного, сплясали танец диких и побежали рассказать о происшедшем «верхним товарищам».

На другой день я работал у себя в мастерской один. Лепил «Самое дорогое». «С тех пор, как Левка стал отцом, основная тема у него стала матерной», — говорили ребята в Лавре, имея в виду мои различные варианты материнства. «Самое дорогое» — мать с ребенком на руках — шла у меня туго. Я уже год возился с этой работой, практически топтался на месте и нуждался в каком-то толчке.

В мастерскую зашел Володя, поздоровался и молча встал за спиной. Зная, что он никогда сам не лезет с советами, я пожаловался ему на то, что застрял и не вижу хода. Володя постоял немного, пригляделся к работе и сказал:

— Лев, тут надо посмелее… Иначе не выскочишь.

— Что значит посмелее?

— Ну, я, наверное, не сумею объяснить. Если позволишь, я трону слегка?

Получив разрешение, он взял полено за два конца и, с силой нажимая на него, прошелся одним движением по работе от макушки до низа. Я внутренне охнул, когда увидел, как под рваной фактурой исчезают тщательно вылепленные мною волосы, уши, кусок щеки с глазом, шейные мышцы, округлость плеча… После этого он бросил полено, взялся двумя руками за голову моей скульптуры и рванул ее вниз и вперед. Шея треснула, железный каркас выпер наружу вместе с крестами и… работа ожила! В изуродованной, сломанной фигуре появилась доброта, нежность и тревога матери за больного ребенка.

— Ну вот, — сказал Володя. — Ты извини, я тут немножечко подпортил, но ты согласен с тем, что я сделал?

Это был 1960-й год.

А 1962-й принес мне тяжелое испытание — глазную болезнь, три операции, потерю зрения на левом глазу.

Через год я вышел из больницы. Работать я не мог. Душевное

состояние было тяжелым, я не знал, смогу ли снова вернуться к работе, войти в колею. С деньгами дома стало туго, это еще более отягощало мою депрессию. Врачи требовали, чтобы я носил себя как хрустальную вазу — меня это сковывало, пригнетало.

Ребята меня не оставляли, поддерживали, помогали, кто чем мог. Вася каждый вечер, как на работу, приходил ко мне играть в шахматы. Володя держался в стороне.

Однажды Юлик подошел ко мне и как бы мимоходом сказал:

— Завтра получка в комбинате. Получи свои восемьсот рублей.

— Какие восемьсот рублей?

— Пока ты лежал в больнице, Володя за тебя сделал и сдал портрет кормильца.

Я сначала растерялся, а потом сказал, что деньги могу взять только в долг и верну, когда начну работать, но Юлик резко оборвал меня, сказав, чтобы я не заикался об этом, или Володя обидится насмерть.

Угроза была нешуточной. Я не стал «заикаться» и принял этот дар, зная, что он от сердца и от щедрой души.

Когда В. И. Ингалу, народному художнику СССР, исполнилось 60 лет, «верхние товарищи» решили преподнести ему к юбилею подарок — дружеский шарж. Как раз в это время Ингал со своими выпускниками, которых он приютил в своей мастерской и всячески опекал, выиграл конкурс на 250-летие Кронштадта. На его проекте могучий моряк стоял впереди остроконечной стелы, ассоциирующейся с носом военного корабля, и разведенными руками как бы защищал эту стелу. На самой стеле были размещены барельефы на тему морских сражений и славы русского военного флота. Этот проект и послужил прообразом шаржа.

Впереди пластилиновой стелы, простирая руки, в героической позе стоял сам Ингал. На груди у него была прилеплена тельняшка из настоящей ткани, из-под которой буйно торчали седые волосы, выдранные из хвоста Леонардо. На стеле были изображены любимые ученики и подопечные Ингала: Гордон, супруги Щегловы, Веселов, Бельский и Вера Трофимова.

Над шаржем работали с увлечением. Периодически возникал вопрос: а не обидится ли Ингал? Фигуру Ингала лепил Гриша, Володя с Лешей трудились над стелой. В ходе работы у них возник спор о пропорциях. Сначала спорили шутя, потом почему-то обозлились друг на друга и уже на повышенных тонах доказывали свою правоту.

— А я говорю, что должно быть выше, не те пропорции…

— Ничего подобного! Не лезь, если не соображаешь!

— Я не соображаю? А ты соображаешь?

Голоса перешли на крик, и в воздухе запахло дракой. Дело спас мудрый Гриша. Оторвавшись от пластилинового Ингала, он сказал:

— Ребята, послушайте! Ингал простит все — и тельняшку, и волосы, и то, что мы обхамили его проект, но он никогда не простит одного — если вы сделаете стелу по пропорциям лучше, чем у него…

Ребята замолчали, потом рассмеялись. Лешка сказал: «Это точно». И они дружно закончили работу.

К тому же времени относится забавная история с бюстом Александра Невского.

Володя сделал своего Александра на выставку. Работа получилась красивой, была отмечена и закуплена Музеем городской скульптуры. Валя Голосков, наш форматор, сделал пару запасных отливков. В один из престольных праздников, во время прохождения службы в соседнем Старовском (Троицком) соборе Юлику Клюге, неистощимому инициатору всяких затей, пришла в голову идея предложить собору бюст Александра Невского — воителя. Идея была проста: если не будет заработка, то уж выпивка будет наверняка.

Троицкий собор находился в центре Александро-Невской Лавры. Культ Александра должен был быть чтим представителями религии не меньше, чем представителями Управления культуры. Прогнозы оказались верными. Священнослужители, выслушав предложение о даре скульптуры Александра Невского собору, заинтересовались и выслали своих представителей в мастерскую для переговоров. С собой они принесли церковного вина, просфор и всяческой снеди, вплоть до пирогов с сигами. Ребята быстро скинулись по рублику, сбегали за водкой, и трапеза началась.

Гриша всегда был самым положительным и правильным человеком в Лавре. Его смущала предстоящая выпивка в такой сомнительной компании, и он попытался улизнуть, но его затащили и заставили выпить рюмочку, после чего он встал и заторопился, пожелав всем хорошей трапезы.

— Что же ты нас покидаешь, сын мой? — спросил слегка захмелевший священнослужитель, отец Анатолий, как он рекомендовал себя.

— Да мне идти надо… — замялся Гриша. — Пора мне уходить…

И потом, видимо, четко желая поставить черту между собой и

представителями опиума для народа, твердо добавил:

— Мне надо идти на заседание партбюро.

— Благослови тебя Господь, — ласково сказал служитель культа и осенил Гришу широким крестом.

Князя Александра унесли в собор на расшитых льняных полотенцах…

В гости к Володе часто приходил его друг — врач-рентгенолог Олег Андреевич Брюханов — «рыжий Олег» по лаврской кличке. Этот живой и доброжелательный человек искренне любил искусство и всех нас. Был эрудитом, начитанным человеком. Как потом оказалось, он был сам художником, почему-то не закончившим Академии художеств, — акварелистом и высококвалифицированным преподавателем пластической анатомии, а также великим специалистом по приготовлению пунша. Свое искусство он передал Володе.

Общие сборища объявлялись обычно условным стуком напильника по стояку парового отопления. Стук этот подавался в определенном ритме и означал всегда одно — «Свистать всех наверх! Предстоит общий сабантуй!»

Наверху глазам представлялась следующая картина: вокруг большого стола, заставленного бутылками, стаканами, тарелками с хлебом, винегретом, неизменным студнем и прочими яствами, в радостном ожидании сидели все старожилы Лавры вперемешку с гостями. Гостей всегда было много. Запоминались частые или особые гости. Так, запомнились: Володя Петров — отличный скульптор и изобретательный выдумщик всевозможных хохм, живописец Фима Ляцкий и Володин брат Феликс Равдоникас. Феликс был гибкий и тощий, как хлыст, парень, отчаянный спорщик и не менее отчаянный велосипедист (вся физиономия в царапинах и кровоподтеках), человек с удивительной мечтой: когда-нибудь собственными руками создать орган.

Итак, пока гости братались с хозяевами, Олег и Володя колдовали вокруг стола. В середине стола устанавливался эмалированный белый таз, в который сливалось шесть-семь бутылок сухого вина. Затем Володя большим ножом аккуратно нарезал кружками апельсины, лимоны и яблоки. Сверху таза устанавливалась специальная алюминиевая решетка, искусно сплетенная Лешей для подобных дел. После этого Олег распечатывал две пачки рафинада и ловко сооружал на решетке белую пирамидку.

И тогда начиналось главное.

Свет тушили. Лицом к тазу ставили гипсового божка с острова Пасхи с воздетыми к небу руками. Олег щедро обливал

пирамидку унесенным из клиники медицинским спиртом и подносил горящую спичку. Синее пламя факелом поднималось над столом, фантастически освещая божка и наши лица. Огромные тени бегали по сводчатым потолкам, а из двадцати здоровых глоток вырывался крик восторга… Горящий сахар тем временем желтел, коричневел и с шипением стекал в таз с вином. Когда пирамидка догорала — стаивала, свет зажигали, и Володя большим черпаком разливал всем горячий пунш, стараясь, чтобы каждому достался кружок апельсина, ароматный и горячий. Это было прекрасно!

Кажется, во время этого застолья — а может быть, и в другой раз — произошёл следующий эпизод. Когда веселье и шум достигли апогея, кто-то закричал: «Ира приехала и бьется у ворот — не может открыть замок!» Володя вскочил и побежал встречать жену. Вся компания сорвалась с мест и с хохотом и шумом пустилась за ним. Дальнейшее рассказывала Ира.

— Володя пригласил меня приехать на сабантуй по поводу пятилетия основания Лавры. Я завозилась дома с детьми допоздна, схватила такси и поехала. Было уже очень темно, когда мы подрулили к воротам кладбища. Сквозь железные прутья вдали было видно светящееся окошечко часовни и слышен гудеж. Мне было страшно идти по темной аллее и, кроме того, я не могла во тьме открыть замок; я вышла из машины и попросила водителя посветить мне фарами, сказав, что как только открою замок, расплачусь и отпущу его. Он включил фары и терпеливо ждал, пока я тыкалась с замком и гремела цепью. В этот момент распахнулись двери часовни, и вся ватага с гиканьем, шумом и свистом понеслась мне навстречу. Я обрадовалась и вдруг услышала за спиной странный звук. Круто развернув машину, водитель рванул на дорогу, смяв кусты.

— Постойте! Я же не расплатилась, куда вы?

Но красные огоньки мелькали уже у станции переливания крови и исчезли за поворотом…

На одном из Володиных застолий однажды в Лавре появился новый человек, скульптор Василий Астапов. Он тогда лепил портрет Володи. Крепко сложенный, немногословный, с прямым и открытым взглядом, он сразу всем понравился. Его приняли тепло, дружелюбно (как и всех), и он, державшийся сначала замкнуто, настороженно, после рюмочки растаял, разговорился и начал читать свои военные стихи. Стихи показались мне сильными, жесткими по содержанию и отточенными по форме. На другой день я поделился своими впечатлениями с Володей.

— Вот за стихи-то он и сидел, — неожиданно сказал Володя.

— Как сидел?

— Так. Нашлись добрые люди в Академии, стукнули куда надо, что Астапов не те стихи пишет, и загремел Вася на шесть лет на Колыму…

Помолчал и добавил:

— Много добрых людей вокруг нас…

Так на некоторое время появился у нас в Лавре Вася Астапов, человек сильный и талантливый. Трудная судьба и «добрые люди» научили его ценить время. Вернувшись, он как одержимый бросился в работу, стараясь наверстать упущенные не по его вине годы, работал по десять-двенадцать часов над скульптурой и снова начал писать стихи.

Не забывал Вася и о прожитых в лагерях годах.

9-го мая 1975 года перед открытием выставки ленинградских художников, посвященной 30-летию Победы, когда в вестибюле и на большой лестнице ЛОСХа собралось множество художников — участников выставки, зрителей и городского партийного руководства, и звучали одна за другой торжественные и гладкие речи, Вася Астапов неожиданно попросил слова. Его резкий и громкий голос, прорвавшийся сквозь общий гул разговоров и шума собравшихся, утомленных затянувшейся официальной частью, с первых же слов заставил всех притихнуть.

— Сегодня праздник Победы, и вы, участники войны, надели свои ордена и медали. У меня же нет ничего. Но это не значит, что я не воевал, а сидел где-то в тылу. Три года войны я провел в танке, горел в нем, и у меня тоже были ордена и медали. Однако их у меня отняли…

Вася проглотил комок в горле и в звенящей тишине закончил:

— Их отняли у меня люди, написавшие на меня донос и посадившие меня на шесть лет. Эти люди находятся сейчас в зале…

Особое место в нашем колхозе занимали мраморщики. Они все отличались завидным здоровьем, огромной трудоспособностью и среди выпивох стабильно шли в первой шеренге. Каждый из них был индивидуальностью.

Колю Болотского отличала практичность, трезвый ум и профессиональная напористость.

Жизнерадостный крепыш Володя Исаев любил книги, анекдоты, шумные компании и веселые рассказы, до которых был и охотник, и мастер.

Курчавого и голубоглазого Толика Иванова в ту пору больше всего занимали соседи, вернее, соседки — медсестры со станции переливания крови. По слухам, он пользовался среди

медперсонала большим успехом и, придя после очередного приключения в мастерскую, докладывал:

— Кровососы пали!

Ренальд Робачевский, отличный мастер и волевой человек, ставил себе тогда в жизни две основные задачи: стать профессиональным скульптором и вступить в Союз, а также добиться успеха у хорошенькой Тани, сестры Наташи Тырковой. Со временем он обе задачи решил, но с некоторым перерывом во времени. Союз устаивал перед Ренальдом на двадцать лет дольше Тани.

Среди всех физически сильных и здоровых мраморщиков особенно выделялся Борис Рослик. Он удивительно оправдывал свою фамилию, был могучим парнем, незаменимым помощником, а впоследствии и хорошим мастером. Он был великолепен в работе — ловок и ухватист. Большие каменные блоки в его огромных лапах становились послушными — двигались по мастерской, кантовались, поднимались на станки сами собой.

Витька Егоров, добродушный и немного сонный в трезвости, во хмелю начинал буйствовать и становился страшен. Однажды он перепил и, на что-то обозлившись, схватился за топор. Все мигом разбежались — с Витькой шутки были плохи. Борис остался один. Он смело пошел на Витьку с голыми руками, отобрал топор, уговорил, успокоил, уложил спать…

Мраморщики были не только хорошими мастерами, но и ребятами с затеями.

Жизнь на кладбище накладывала на нас свой отпечаток и вовлекала в различные ситуации, которых не могло быть в другом месте. Где, как не на кладбище, и кому, как не мастерам по золочению вырубных букв на мемориальных досках, могла прийти в голову великая идея позолотить клюв и когти пойманному вороненку! Позолоченного вороненка посадили на верхушку черно-гранитного памятника рядом с мастерской. Вороненок вобрал голову в плечи и сидел абсолютно неподвижно, как изваянный, удивительно слившись с черным надгробьем, на котором поблескивала золотом фамилия усопшего.

В это время по аллее проходили две старушки, знавшие вокруг все памятники и кресты вплоть до мельчайших деталей. Шагов за десять до черно-гранитного памятника они заметили что-то новое, замедлили шаги и начали пристально вглядываться. Затем осторожно приблизились к памятнику, вынули и надели очки и, не веря глазам своим, придвинулись к новой черной детали вплотную. Тут ворон резко выбросил голову из плеч, разинул золотой клюв и громко каркнул. Старушек сдуло, как

ветром. Они прытко и молодо побежали к воротам, оглядываясь и припуская еще сильнее…

В другой раз, после небольшого возлияния по поводу получки, возникла идея приобрести собаку для охраны мастерской, так как нас часто беспокоила шпана, по ночам залезавшая в мастерскую. Брать там было нечего, но зато можно было нагадить в прямом и переносном смысле, что и делалось с великим удовольствием и постоянством. Прямой смысл убирался быстро, с переносным было намного сложнее. Так, однажды у законченного мраморного портрета народной актрисы, над которым Болотский трудился три месяца, был отбит нос. В другой раз на мраморной лысине одного очень уважаемого человека шпана начертала неприличное слово химическим карандашом. Поскольку химический карандаш с мрамора не смывается, пришлось слово вырубить и сделать мраморную вставку. Заказчик отказался принять портрет уважаемого человека со вставкой на черепе. Трехмесячный упорный и кропотливый труд пошел прахом.

У кладбищенского сторожа дяди Миши была здоровенная и злобная овчарка Тарзан. Ее-то и решили приспособить для охраны мастерской. Поговорили с дядей Мишей, тот согласился. Сказал, что собака — золото, охранную службу знает.

Собака действительно оказалась золотом. Однако дядя Миша, наверное, плохо растолковал ей, кого и от чего надо охранять. Поэтому она сначала покусала Володю Исаева, а потом долго не выпускала Валю Лаптева из мастерской, когда он собрался идти домой после того, как заработался заполночь. Валя только успел раскрыть дверь на кладбище, как на него набросился рычащий Тарзан. Пришлось ему ретироваться, захлопнув дверь перед оскаленной мордой, а потом ждать, пока дядя Миша освободит его из плена.

К чисто кладбищенскому фольклору относится и история с гробами. В связи со строительством моста Александра Невского и перепланировкой всех близлежащих площадей вокруг Лавры наше кладбище сильно подрезали со стороны Невы. Часть памятников снесли, могилы сравняли бульдозером, а ряд ценных в историческом плане памятников постановили перенести в другие места, куда и перезахоронить останки. С этой целью были привезены и раскиданы в разных уголках кладбища огромные дощатые гробы-футляры, в которые предполагалось устанавливать вынутые из склепов и могил цинковые гробы с останками. Мне довелось присутствовать при перезахоронении останков писателей Чапыгина и Мамина-Сибиряка.

В один из осенних дней к нам приехала большая

авторитетная комиссия, состоявшая в основном из высокоученых дам, а также группа работяг с лопатами, ломами и веревками. Вся эта разношерстная компания окружила находящиеся рядом склепы писателей и приступила к работе.

Сначала было зачитано постановление Ленгорисполкома о перезахоронении останков писателей Мамина-Сибиряка и Чапыгина на Литераторские мостки Волкова кладбища, потом председательствующая высокая дама в очках торжественно объявила: «Приступить к эксгумации!», и в дело вступили рабочие. Сначала они сняли кресты и верхние плиты, раскрыли склепы, а потом, продев веревки под цинковые гробы, с гиканьем и уханьем потянули их наверх. Гроб с Чапыгиным удалось вытащить и уложить в деревянный футляр благополучно, что и было немедленно заактировано высокой комиссией. С Маминым-Сибиряком получилась накладка. В его фамильном склепе находился еще один гроб — с останками его жены. Оба гроба были сильно поломаны. Почти все склепы на Никольском кладбище, особенно гробницы и усыпальницы богатых людей (усыпальница графини Крейц, склеп барона Корфа, могилы именитых купцов), неоднократно подвергались разорению ворами разных поколений в поисках захороненных драгоценностей. По той же причине, вероятно, были поломаны и вскрыты гробы Мамина-Сибиряка и его жены. Рабочие почему-то потянули веревками оба гроба сразу. Сначала все шло нормально, потом один гроб съехал, навалился на другой, перевернулся, раскрылся, веревка оборвалась, и содержимое обоих гробов рассыпалось и перемешалось. Комиссия заволновалась и заактировала и этот случай. Три дощатых футляра с останками погрузили на машины и увезли.

В это же время кладбищенская администрация «стукнула» по начальству, что на территории Александро-Невской Лавры некие злоумышленники самочинно построили мост. Начальство всполошилось. Постройка нового моста в центре Ленинграда без бумаг, разрешения, постановления и утверждения соответствующими инстанциями была неслыханным делом.

Мост снесли. Вернувшийся из отпуска Витька Егоров, не обнаружив своего детища, ужасно обиделся. Он заявил, что принципиально не будет обходить пруд, и тут же, схватив в охапку громадный дощатый гроб (их сгружали с машин вчетвером), спустил его на воду, как лодку, сел в него и, оттолкнувшись доской, поплыл на другой берег. Через два метра гроб с сантиметровыми щелями и с Витькой затонул, встав вертикально, а мореплаватель, многоэтажно матерясь, весь в тине, восстал из гроба, вылез на берег, переоделся и… начал

строить другой мост.

Многочисленные гости, приходившие к нам в Лавру, часто приводили своих друзей. Так, кто-то привел иностранку из Рейкъявика, мисс Линней.

Мисс Линней (Линейка, как ее немедленно окрестил Володя) оказалась веселой, обаятельной блондинкой с длинными распущенными по плечам волосами. По-русски она говорила с трудом, однако слово «полбанки» запомнила сразу, оно ей почему-то сразу понравилось. Впрочем, ей вообще нравилось все у нас: и старое кладбище, и скульптура, и люди. Перед отъездом Линейка углем размашисто написала на стене: «I greet this island of living people in the dead sea!» (я приветствую этот остров живых людей среди моря мертвых).

Другим иностранцем, оставившим по себе память, был падре Джиованни Карболино, неведомо какими путями попавший в Лавру из Турина. Я не видел его никогда, но слухи по возрастающей кривой доходили до ушей: к Володе приходил какой-то ксендз… Ксендз хочет заказать Володе скульптуру… Ксендз вовсе не ксендз, а почти кардинал и приехал из Ватикана… Кардинал заказывает Володе мадонну по поручению Римского папы…

Володя посмеивался над слухами и помалкивал. В дальнейшем выяснилось: падре Карболино действительно хотел заказать Володе мраморную мадонну и даже прислал официальное письмо из Турина. Поскольку заказчик был несколько необычным, запросили ОКС (Отдел культурных связей с заграницей). ОКС ответил уклончиво: возражений вроде бы нет, но принять заказ на такую работу не рекомендуется… Намек Володя понял. Дело на этом закончилось, осталась легенда «Как Татарович делал пьету по заказу Римского папы».

Лавра, как я уже сказал, много пила. Но попойки, озорства и сборища, несмотря на их частоту и разнообразие, никогда не были основой жизни в Лавре. Основой был труд, творческий поиск, истовое увлечение пластикой, попытки каждого найти свой язык, воплотить свои идеи, решить свои большие или малые задачи, снова длительные многотрудные поиски, маленькие, но радостные, находки — и снова труд, труд, труд.

Из Володиных работ лаврского периода запомнились портрет Хемингуэя, над которым он долго бился сначала в глине, а потом в граните, тонко вылепленный портрет молодого Ленина, мемориальная доска шахматисту Чигорину (совместная работа с Лешей) и бронзовый барельефный портрет «Девушка с золотыми

глазами».

Помню, как создавался памятник Герою Советского Союза Бредову для Мурманска. Пятиметровая фигура в очень сложном движении, падающая, с поднятыми руками, была окружена лесами, на которых постоянно торчали Володя, Леша, Гриша и Арон. Бредов давался им туго, с капитальными переделками. Лепили, ломали, снова строили, снова ломали.

Володя почти всегда работал обнаженным по пояс с кокетливой косыночкой на шее. Он был всегда смуглым, так как с первыми лучами солнца начинал загорать в марте-апреле на каменной лестнице нашей часовни. Загорал он быстро и ровно. Лазал по лесам, как обезьяна, работая либо поленом, либо деревянной лопатой, либо ладонями. Глина жила в его руках, наблюдать за ним, когда он работает, было и зрелищем, и школой, но, к сожалению, удавалось это не часто — он этого не любил.

Ко времени работы над Бредовым относится история с Володиными детьми.

По версии редакции Юлика Клюге: «У Володи сначала был сын Андрюшка. Потом они с Иркой захотели еще девочку. Маленькую тихую девочку. А получилось сразу еще два мальчика. Буйных и шумных».

Три Володиных сына славились в Лавре. Трехлетние близнецы Сашка и Женька, возглавляемые озорным и предприимчивым Андрюшкой, без дела не сидели.

Придя домой в один прекрасный день, родители не узнали квартиру. Вся квартира сверху донизу была засыпана мукой, которую их ребятишки употребили для игры в снежки. Пришлось два дня отмывать квартиру от нескольких килограммов муки, ушедшей на игру.

Другой раз Володе, преподававшему тогда в Мухинке, позвонила Ира и сообщила, что она только что сняла всю свою команду с крыши. Семья Татаровичей жила тогда на Васильевском острове на седьмом этаже в мансарде. Окна мансарды выходили на довольно плоскую крышу с маленькой шатающейся оградкой у края. Ира вышла на кухню, а своих головорезов заперла на крючок, чтобы не разбегались по квартире. Когда она через час возвратилась в комнату, то обмерла на пороге: трехлетние Сашка и Женька находились на крыше у самого края, шестилетний Андрей рядом с ними пускал зеркалом на улицу зайчиков.

Придя в себя, Ира ласковым голосом позвала детей, пообещав им пирожки и еще что-то вкусненькое. Близнецы клюнули, и она втащила их одного за другим. Андрюшка поддался не сразу,

скумекал, видно, какие пирожки его ждут как зачинщика, но потом и его удалось втащить и тут же сгоряча выпороть.

Услышав такое, Володя тут же в Училище сколотил крепкую деревянную решетку и вечером намертво забил ею окно. На другой день в Лавре только и разговоров было, что о Володиных детях. Он сам, работая на лесах, тоже вспоминал и радовался счастливому концу, как вдруг замолчал, побледнел, быстро слез с лесов, вмиг переоделся и направился к выходу.

— Володя, куда? Что с тобой? — закричали ребята.

— Я там, кажется, ножовку оставил около окна, — крикнул Володя и побежал ловить такси.

Подавляющее большинство людей, по моим наблюдениям, от водки не делаются лучше. Становятся либо пошлыми, либо грубыми, либо жалкими. Володя был в этом отношении редким исключением. Сколько бы он ни выпил, он не терял себя. Наоборот, водка ему, обычно немногословному, развязывала язык. Он начинал мыслить вслух — это было интересно. Здесь неожиданным образом раскрывалась истина «что у трезвого на уме, у пьяного на языке». У него на уме было многое: и жизненный опыт, и профессиональные откровения. При всем при том он был раним, обидчив, горяч и «взрывоопасен».

Как-то к «верхним товарищам» зашел по делу знакомый скульптор. Его, как обычно, посадили за стол, раскупорили бутылку, разговорились. Захмелевший гость повел себя шумно, развязно, не «по-лаврски». Володя возмутился и приказал ему притихнуть. В ответ понеслась грязная ругань в адрес всех Ястребенецких, Татаровичей и прочих Рабиновичей… Володя побелел. Вскочил с места. В руках оказался рифленый арматурный прут. Быть бы беде, но на него тут же навалились трое и удержали. Другие быстро проводили скульптора-интернационалиста до ворот. На другой день, когда я спросил Володю, что было, он досадливо отмахнулся и сказал:

— Лева, дело тут не в евреях, я взбеленился потому, что в мой дом пришел хам, его приняли по-человечески, а он… — Володя махнул рукой и ушел.

Последние годы Володя тяжело болел. На него навалилось многое: осколок, большой камень в почке и туберкулез, съевший одно легкое. Он никогда не жаловался и не ныл. Годы и болезнь смягчили его. В волосах появилась проседь, а взгляд из дерзкого стал внимательным и мудрым.

В его новой светлой, всегда чистой и опрятной мастерской с обилием цветов и великолепным инструментарием, который он

любовно собирал и умело использовал, всегда толпился народ. Двери в его мастерскую практически никогда не закрывались. Каждый шел сюда со своей нуждой, со своей бедой. Формально у Володи в мастерской по четвергам собиралась комиссия по распределению работы, которую он возглавлял. Фактически сюда ходили все: кто за советом, кто за помощью, кто за тем, чтобы наточить инструмент, одолжить гипс, прибить оторвавшийся каблук, разжиться бумагой и ручкой.

Он никогда никому не отказывал. Советовал, давал гипс, прибивал каблук, точил инструмент, сажал всех и каждого за свой знаменитый, сделанный им из цельного куска дуба, лакированный стол, на котором всегда стояла неизменная плетеная круглая хлебница, полная аккуратных сухариков, виртуозно нарезанных и умело высушенных.

Вокруг стола размещались такие же массивные, мастерски сработанные лавки из цельных кусков дерева. Шлифованные и лакированные поверхности стола и лавок своим янтарным цветом придавали мастерской праздничность, мажорность. Хозяин сидел обычно во главе стола, рядом со шкафом, где за стеклом стояли вырезанные из черного дерева небольшие женские фигурки, смеялся, шутил, рассказывал анекдоты, и постороннему в голову не приходило, что дни его сочтены.

По стенам висели фотографии работ, стояли две незаконченные фигуры негритянок из черного дерева, а вся мастерская была набита различными станками, электропилами, рубанками, дрелями и другой техникой, до которой он был великий охотник и которой последние годы очень увлекался.

Однажды он с гордостью показал мне последнее приобретение — самокрутящийся станок с дистанционным управлением. Он поставил на станок гипсовую голову, встал в другом конце мастерской и, держа в руках пульт управления, стал нажимать кнопки. Крышка станка с головой стала медленно поворачиваться, потом остановилась и начала разворот в другую сторону.

— Зачем тебе это?

— Очень полезно просмотреть издали все повороты, все абрисы, — очень серьезно ответил он.

Я понял, что для него это не «игра в железки», как мне думалось, а еще одно средство для углубленного изучения пластики.

Последний раз я видел Володю в больнице на Поклонной горе через несколько дней после операции. Операция была очень тяжелой, врачи сомневались, что он ее перенесет. А он перенес, выдюжил, выжил и сейчас сидел на койке страшно худой,

измученный, костлявые желтые руки бессильно лежали на острых коленях.

Я принес ему клубнику в банке, он кивком указал мне на окно, чтобы туда поставил. В белом халате вошел Юлик, продежуривший около него ночь.

Володя смотрел на нас ввалившимися глазами, попытался улыбнуться — не получилось. Медленно, роняя слова, сказал:

— Вот… Мне приятно… что я оттуда… снова среди своих… как живой с живыми говоря…

Он думал, что все худое позади.

Через неделю его не стало.

В своей жизни я встречался со многими людьми, которые изо всех сил старались выдвинуться из ряда, стать лидерами. Володя никогда к этому не стремился, он был лидером всегда, изначально. Такова была его органика.

Я знаю других, которые, отдавая себе отчет в отсутствии лидерских данных, прилагают множество усилий, чтобы стать «интересными людьми» в глазах окружающих. Можно с уверенностью сказать, что Володя никогда не задумывался над этой проблемой, не примерялся, не оглядывался на себя — ему это было ни к чему. Он был личностью, ярким индивидуумом и поэтому был всем интересен, к нему тянуло, как к магниту. Он был всегда искренен по отношению к людям в привязанностях и антипатиях, в своих работах, в спокойную минуту и в приступах яростной вспыльчивости он всегда был самим собой: сложным человеком с острыми углами, чистым, талантливым, с отзывчивой душой и широким щедрым сердцем.

Пятого сентября 1979 года мы прощались с Володей в Голубой гостиной Союза художников. Я сказал тогда то, что думал: в течение жизни мы просеиваем через себя десятки тысяч людей, в памяти остаются единицы. Память о Володе останется с нами.

Пусть эти немудреные записки будут подтверждением сказанному.

Ленинград. Апрель 1981 г.

notes

Примечания

1

Вид шпателя. — *Прим. авт.*